

Особняк князя Ву Аня был погружен в траур.

Пусть Чжэн Чэн и не славился хорошей репутацией, он все-таки был старшим сыном первой жены князя Ву Аня и имел полное право на получение титула, который Императорский двор не успел ему даровать. На самом деле, это была всего лишь маленькая уловка с их стороны: до последнего тянуть с назначением, чтобы держать просителя в узде. Даже князь Ву Ань должен был вести себя крайне осторожно, боясь сделать хоть один неверный шаг.

Подобное происходило не только с потомками героев, а также и с членами семьи Чжу (семьи императора Хуньу). Спустя столько лет, после основания династии, многочисленные отпрыски основной и побочных ветвей Чжу, не обладавшие никакой властью и влиянием, были разбросаны по всей стране. В глазах императора и Императорского двора они были не более чем муравьями, абсолютно бесполезными и выживающими лишь за счет подачек с их стороны, получавшими титул благодаря древним традициям, оставленным предками.

Такова была позиция Императорского двора, но для Чжэн Ина Чжэн Чэн прежде всего был старшим сыном, даже если он и приносил ему лишь одну головную боль. Разве кто-то мог оставаться счастливым, лишившись своего чада? Мать Чжэн Чэна, жена князя Ву Аня, обливалась слезами. Потрясенная горем, она оставалась прикованной к постели.

Когда Суй Джоу и Тан Фан прибыли в особняк князя Ву Аня, им в глаза сразу бросилась его необычайная белизна. Несмотря на то, что тело Чжэн Чэна уже какое-то время находилось в Северном Дворе, весь особняк оставался обвешан белыми лентами, а люди продолжали облачаться в траурную одежду в память о покойном.

Заметив их, Чжэн Ин, князь Ву Ань, изменился в лице, но из-за репутации Императорской Стражи ему пришлось справиться с обуявшими его эмоциями:

— Я не ждал столько гостей в моем скромном жилище. Могу я спросить, что вам угодно?

Суй Джоу не стал расплываться в приветствиях, а сразу перешел к делу:

— Ваша Светлость, мы бы хотели увидеть госпожу Хуэй.

Князь Ву Ань сначала удивился, а затем поспешно ответил:

— Она как-то связана со смертью моего сына, да?

— Это нужно для расследования, пока рано делать выводы, - ответил Суй Джоу.

Князь Ву Ань больше не стал тратить время на пустые разговоры и немедленно послал за наложницей Хуэй.

В ту ночь, когда Тан Фан и Пань Бинь в первый раз посетили особняк князя Ву Аня, они уже встретились с женой и тремя наложницами Чжэн Чэна.

Чжэн Сун была весьма добродетельной девушкой, но из-за своей ничем не примечательной внешности она не нравилась Чжэн Чэну, вследствие чего они крайне редко делили ложе.

Самая старшая наложница, госпожа Ван, жила в особняке дольше остальных. Она была честной женщиной, но время шло, и чувства Чжэн Чэна к ней ослабли. Перед смертью он почти не посещал ее.

Госпожа Ю стала наложницей Чжэн Чэна совсем недавно. Прекрасная как нефрит, молодая, стройная и изящная – именно ее Чжэн Чэн любил больше всех в этом особняке. Однако домашние цветы не столь ароматны, как дикие: Чжэн Чэн время от времени хотел разнообразия, поэтому, помимо нее, развлекался еще с огромным количеством женщин.

Лишь одной госпоже Хуэй Чжэн Чэн когда-то благоволил больше, чем наложнице Ю. Поговаривали, что, чтобы порадовать ее, он дарил ей множество дорогих украшений и нарядов, однако с появлением новой наложницы напрочь забыл про нее. Тан Фан помнил, какими разными были реакции этих четырех женщин на смерть Чжэн Чэна. Госпожа Хуэй плакала громче всех и казалась самой печальной из них. Но теперь, когда он подумал об этом еще раз, ее реакция стала казаться ему преувеличенной и неестественной.

Вскоре привели наложницу Хуэй. Белый цвет всем к лицу: в траурной одежде она выглядела просто очаровательно. К сожалению, ни Тан Фан, ни Суй Джоу этого не оценили.

Суй Джоу, без лишних церемоний, попросил Сюэ Лина показать ей портрет:

— Ты узнаешь этого человека?

Взглянув на него, наложница Хуэй ответила:

— Узнаю. Это двоюродный брат этой скромной супруги.

— Где он сейчас? – спросил Сюэ Лин.

В глазах наложницы Хуэй появились слезы, и она с грустью произнесла:

— Ах, что касается этого, господи... Три дня назад моего брата сбила повозка, когда он покидал особняк. Мы не смогли ничего сделать, его уже похоронили.

— Какое совпадение! – холодно усмехнулся Сюэ Лин. – Только мы приходим сюда, чтобы найти его, как тут же узнаем, что с ним произошел несчастный случай!

— Но это чистая правда, – ответила госпожа Хуэй. – Мой двоюродный брат не более чем слуга в особняке. Я не посмела тревожить Его Светлость столь незначительным происшествием, только управляющий знает об этом. Если господи не верят мне, вы можете послать за ним, чтобы убедиться!

— Это не обязательно, – сказал Сюэ Лин. – Сейчас нам нужен вовсе не твой двоюродный брат, а ты. Судя по показаниям аптекарей из Саньюнтана и Ренсиньтана, твой двоюродный брат как-то купил большое количество чайху в этих аптеках. Это так?

— Господин, зачем Вы спрашиваете меня об этом? – изумилась наложница Хуэй. – Даже если мой брат и покупал лекарства, думаете, он бы ставил меня в известность? Разве такой вопрос уместен?

— Фуянчунь – очень древнее лекарство, – начал пояснять Сюэ Лин. – И, хотя оно вредно для здоровья, едва ли способно убить человека всего за несколько месяцев. Именно ты подбила своего брата добавить чайху в пилюли. Из-за этого Чжэн Чэн внезапно заболел и умер будто бы от «перенапряжения»!

— Эту скромную супругу ложно обвинили... – проговорила наложница Хуэй.

Она не успела закончить свою жалобную речь, как ее перебил крик, полный гнева. Это госпожа Ву Ань, услышав обо всем, что случилось, тотчас поднялась и прибежала на шум. Не в силах сдерживать себя, она влепила наложнице Хуэй пощечину!

— Ах ты тварь! Еще смеешь оправдываться?! Твоему двоюродному брату не за что держать обиду на Чэн-эра! Да у него даже шанса приблизиться к нему не было! Как он мог его убить? Доказательства налицо! Если не ты, то кто? Я недавно видела тебя расстроенной в твоей комнате. Не думала, что ты осмелишься убить Чэн-эра, дрянь!

Госпожа Ву Ань происходила из семьи ученых Лю. Когда Тан Фан видел ее в последний раз, она, убитая горем из-за смерти сына, была еще в состоянии держать себя в руках. Теперь же, узнав, кто являлся возможным убийцей, она не могла и дальше оставаться спокойной.

Наложница Хуэй вскрикнула и схватилась за щеку:

— Ваша Светлость, помогите! Ваша Светлость! Меня несправедливо обвинили!

Госпожа Лю, видя, что та все еще смеет отпираться, еще больше рассвирепела и снова попыталась ударить ее. В итоге вспыхнула потасовка.

Наблюдавший эту сцену Суй Джоу холодно произнес:

— Ваша Светлость, Вы же не хотите, чтобы мы и дальше были вынуждены смотреть на это представление?

Мужчины и женщины должны держаться друг от друга на расстоянии, поэтому Императорской Страже не подобало вмешиваться. Несмотря на то, что наложница Хуэй являлась главной подозреваемой, она все еще была частью семьи князя Ву Аня. Кроме того, в этом принимала участие и жена князя.

Князь Ву Ань глубоко вздохнул и крикнул:

— Немедленно остановите их! Что вы все замерли как истуканы? Оттащите госпожу в другую сторону! Схватите наложницу Хуэй!

После его слов служанки бросились выполнять его приказ и, в конце концов, растащили их в разные стороны. Госпожа Ву Ань тяжело дышала и, хотя ее держали за руки, продолжала с ненавистью и негодованием смотреть на госпожу Хуэй, готовая в любую минуту снова наброситься на нее, что заставило наложницу затихнуть и содрогнуться от ужаса.

Суй Джоу с каменным лицом посмотрел на заплаканную госпожу Хуэй, подобную цветку груши под дождем:

— Сама признаешься или тебе помочь в Северном Дворе?

Наложница Хуэй ничего не ответила, и тогда Тан Фан, до этого молчавший, подхватил его мысль:

— Госпожа Хуэй всего лишь наложница в доме князя, безграмотная и не разбирающаяся в медицине. Однако ты осмелилась на убийство Чжэн Чэна, стало быть, за тобой кто-то стоял. Если откроешь нам правду, то, возможно, сможешь избежать смертного приговора. Но если продолжишь покрывать этого человека, то его неприятности минуют стороной, а вот ты

пострадаешь. В своде законов говорится, что убийца должен быть обезглавлен. Продолжишь упираться – придется признаться под пытками в Северном Дворе: вода, огонь, ножи, плеть, отрубленные пальцы – после этого ты не сможешь жить. Но и умереть тоже не сможешь. Ты будешь молить о смерти, но, боюсь, при всем желании, добиться этого будет не так-то просто, – Тан Фан говорил легко и уверенно, без капли гнева, но наложница Хуэй почувствовала, как стучат ее зубы. Методы Императорской Стражи были всем известны. Госпожа Хуэй тотчас представила себя в Императорской тюрьме всю в крови.

На самом деле, попасть в Императорскую тюрьму было не так-то просто. В ней оказывались по приказу императора за тяжелые преступления и оставались там до самой своей смерти. Такие особы, как наложница Хуэй, могли попасть, разве что, в темницу префектуры Шунтянь, а не в Императорскую тюрьму.

Суй Джоу взглянул на Тан Фана, но не стал вмешиваться, позволив ему и дальше запугивать наложницу Хуэй Императорской тюрьмой.

— Цзунци Суй, – обратился к нему Тан Фан, – я слышал, что в Северном Дворе есть такое наказание, как «слива под дождем», когда заключенного держат за руки и за ноги, после чего кладут на его лицо влажные листы бумаги, и так слой за слоем, слой за слоем. Сначала ты ничего не почувствуешь, но потом постепенно будет становиться все труднее дышать. Мокрая бумага липнет к лицу, не давая воздуху проникать в легкие, и заключенный долго мучается, пока не умрет. Это правда?

Суй Джоу медленно кивнул с непроницаемым лицом:

— Хм... верно.

У стоявшего рядом Сюэ Лина дернулся глаз. Он подумал: «С каких это пор у нас в Северном Дворе используются такие несерьезные наказания? Разве это не изобретение этих проклятых евнухов из Восточной Ограды?»

Наложница Хуэй в красках представила все, что так подробно описал Тан Фан: она будто наяву ощутила, как на ее лицо слой за слоем кладут листы мокрой бумаги, как тяжелее и тяжелее ей становится дышать. Эта «слива под дождем» – настоящая медленная и мучительная казнь!

— Я признаюсь! Я признаюсь! Я не убивала его! Это Чжэн Чжи! Это Чжэн Чжи велел мне! – не выдержав, закричала она.

— Замолчи! Ах ты, тварь! Ты соображаешь, что говоришь? – разозлился князь Ву Ань.

— Это не я! Это не я! – плакала наложница Хуэй. – Это не я убила Чжэн Чэна! И это не я убила своего двоюродного брата! Это все Чжэн Чжи! Это он попросил меня дать рецепт Чжэн Чэну, а затем велел моему двоюродному брату подкупить подмастерья из аптеки! И добавить чайху! Точно, еще же подмастерье из аптеки! Это Чжэн Чжи заставил их замолчать, а не я! Я ничего не знала!

— Заткнись! – прокричал князь Ву Ань.

Госпожа Лю холодно воскликнула:

— Что? Заткнись? Нет, дай ей продолжить!

Князь Ву Ань со злостью ответил:

— Что она может сказать? Эта тварь бездумно кидается обвинениями! Лишь бы кого-нибудь приплести, чтобы перекинуть свою вину! Она всех в этом особняке хочет за собой утащить!

Госпожа Лю презрительно усмехнулась:

— Очевидно же, что ты просто боишься, что она выведет на чистую воду того, кого не должна! Именно поэтому ты кричишь ей, чтобы она заткнулась?

Князь Ву Ань был сильно раздражен и взволнован:

— Разве я мог когда-нибудь подумать о таком?! Тебе не надоело самой кидаться пустыми обвинениями?!

Суй Джоу решил закрыть глаза на их ругань и обратился к князю Ву Аню:

— Пожалуйста, Ваша Светлость, позовите сюда второго молодого господина Чжэна.

Князю Ву Аню пришлось прекратить ссору с госпожой Лю. Озлобленно уставившись на наложницу Хуэй, он несколько раз открыл и закрыл рот, а затем гневно выплюнул:

— Почему до сих пор никто не привел сюда Чжэн Чжи?!

Слуги сразу же побежали исполнять его приказ.

Вскоре явился Чжэн Чжи в сопровождении красивой женщины средних лет.

Увидев ее в особняке князя Ву Аня среди прочих женщин в ночь, когда произошло убийство, Тан Фан с трудом вспомнил, что она была наложницей князя.

Чжэн Чжи вежливо поздоровался:

— Сын приветствует отца, матушку. А эти двое господ...? – его взгляд остановился на Суй Джоу и Тан Фане. В ночь, когда все произошло, он не появлялся, поэтому сейчас не узнал Тан Фана и его спутников.

Чжэн Чжи был очень похож на красивую женщину, что сейчас стояла рядом с ним, что, само собой, делало его немного женственным и изящным. Но держался он весьма элегантно и вежливо. Как ни посмотри, Чжэн Чэн во всем ему уступал.

Старшему сыну не успели даровать титул, да и положение его было весьма шатким, чего не скажешь о втором сыне, который был во всем лучше брата. Поэтому, безусловно, глубоко в душе князь Ву Ань поддерживал его.

Конечно, он всем сердцем непреднамеренно склонялся на его сторону. В такой ситуации сложно было оставаться беспристрастным, что и приводило к конфликтам.

Князь Ву Ань нахмурился:

— Это господин Тан из префектуры Шунтянь и господин Суй из Северного Двора. Они пришли сюда расследовать дело касательно твоего старшего брата. Я спрошу тебя: ты как-то связан с его смертью?

Чжэн Чжи был поражен до глубины души:

— Отец, это значит, что Вашего сына подозревают в убийстве? Между мной и братом были разногласия, но разве мог я убить его?!

И хотя он говорил крайне убедительно, Тан Фан заметил, как тот подсознательно бросил взгляд на наложницу Хуэй во время своей речи.

— Второй молодой господин Чжэн, – обратился к нему Суй Джоу, – госпожа Хуэй обвиняет тебя в том, что ты подговорил ее убить Чжэн Чэна с помощью лекарства. Кроме того, ты заставил замолчать ее двоюродного брата, убив его. Это так?

— Это наглая ложь! – уверенно ответил Чжэн Чжи.

— Ты грязный убийца! – разрыдалась наложница Хуэй. – Ясно же, что это ты заставил меня сделать это! Ты говорил, что, когда он умрет, я буду твоей!

— Женщина, ты, верно, сошла с ума! – со злостью проговорил Чжэн Чжи. – Ты наложница моего старшего брата! У нас с тобой не могло ничего быть!

Красивая женщина, пришедшая вместе с ним, закричала:

— Дешевка! Думаешь, я позволю тебе просто так бросаться обвинениями?!

Она кинулась к наложнице Хуэй и ударила ее по лицу, что только что до нее проделала и жена князя Ву Аня, госпожа Лю. Но на этот раз Сюэ Лин не мог не вмешаться, тем более что она была обычной наложницей. Он сделал шаг вперед и оттолкнул ее:

— Здесь Императорская Стража! Что ты себе позволяешь?!

Женщина упала на землю и побелела от злости, но не посмела возражать, поэтому повернулась и бросилась искать помощи у князя Ву Аня. Обнимая его ноги, она заголосила:

— Ваша Светлость! Защитите Вашего сына и его мать!

От всего происходящего у князя Ву Аня раскалывалась голова, он поспешно схватил ее за руки:

— Вставай-вставай! Где твои манеры?! – приговаривал он более мягким тоном, что разительно отличался от той сухой манеры речи, с которой он обращался к госпоже Лю.

Госпожа Лю лишь холодно смотрела на это, не произнося ни слова.

Наблюдавшие за всей этой неразберихой Тан Фан и Суй Джоу по-прежнему оставались спокойными и собранными. Тан Фан обратился к наложнице Чжэн Чэна:

— Госпожа Хуэй, ты обвиняешь Чжэн Чжи, но есть ли у тебя доказательства?

Наложница Хуэй изумленно застыла, не зная, что ответить.

Красивая женщина средних лет со злорадством воскликнула:

— Отлично! Тебе нечего предоставить, да? А-Чжи на самом деле не виновен! Разве мог он убить своего старшего брата? Кто-то понял, что раз старший сын умер, то наследником станет А-Чжи! Поэтому он велел тебе опорочить его имя? Да? Признавайся!

Вдруг наложница Хуэй прервала этот бесконечный поток ругательств, вскрикнув:

— У меня есть доказательство! У меня есть доказательство!

Она была сильно напугана обрисованными Тан Фаном перспективами оказаться в Императорской тюрьме Северного двора или быть подвергнутой этой ужасной пытке, «сливе под дождем». Ей очень не хотелось испытать это все на себе.

— Говори, – велел ей Суй Джоу.

Наложница Хуэй стиснула зубы:

— У второго молодого господина Чжэна на ягоdice есть красное родимое пятно с половину ладони в форме цветка сливы.

Услышав это замечание, красивая женщина средних лет тотчас замолчала. Мужчины и женщины должны держаться друг от друга на расстоянии. Если бы речь шла о родинке на лице или руках, то в этом не было бы ничего подозрительного. Но о родимом пятне на ягоdice мог знать только очень близкий человек. Как еще она могла это выведать?

Госпожа Хуэй была наложницей Чжэн Чэна, а Чжэн Чжи его младшим братом. Если эти двое были никак не связаны друг с другом, то как можно было знать о его родинке? Что это означало?

Суй Джоу вопросительно посмотрел на изменившегося в лице Чжэн Чжи:

— Это так?

Чжэн Чжи никак не отреагировал. На самом деле, Суй Джоу и не нужно было, чтобы тот что-либо отвечал. Он дал знак своим людям:

— Взять его. Увести во Двор!

Затем указал на наложницу Хуэй:

— Ты тоже. Так как ты только что во всем призналась, мы будем снисходительны. Тебя может сопровождать служанка.

Красивая женщина средних лет отчаянно зарыдала, она бросилась к сыну и крепко обняла его, никого к нему не подпуская. Она громко плакала, когда ее пытались оттащить или убедить отпустить его. Двор особняка снова погрузился в хаос.

— Подождите-ка! – вдруг возмущенно прокричал князь Ву Ань. – Господин Суй, это мой особняк! Особняк князя Ву Аня! Чжэн Чжи принадлежит этому дому! Он из особняка князя Ву Аня! Как Вы можете так просто приказывать забрать его?!

— Ваша Светлость, – ответил Суй Джоу, – если молодой господин будет признан невиновным, его отпустят.

— Суй Джоу! – зло прохрипел князь Ву Ань. – Прекрати раздувать скандал! Его Величество велел тебе расследовать это дело, а не переворачивать вверх дном мой особняк, особняк самого князя Ву Аня! Что ты тут устроил?! Я подам на тебя жалобу!

Суй Джоу и бровью не повел:

— Я лишь выполняю свой долг, а Ваша Светлость может поступать, как пожелает.

Князь Ву Ань побагровел от злости и только хотел что-то ответить, как, слышавшая их диалог, жена князя, госпожа Лю, вмешалась:

— Господин Суй лишь беспристрастно ведет это дело. Если что-то пойдет не так, я позабочусь об этом!

— Ты! Как ты посмела?! – князь Ву Ань ткнул пальцем в госпожу Лю. Он подыскивал подходящие слова, однако был слишком возмущен и оказался не в состоянии продолжить свою мысль.

— А почему я не смею? Разве я больше ничего не значу в особняке князя Ву Аня? – госпожа Лю холодно взглянула на него, словно видела перед собой заклятого врага. – Не забывай, что мне, твоей законной жене, равно как и тебе, Императорским двором официально дарован титул. Как ни посмотри, а я имею полное право отдавать распоряжения в этом особняке!

— Чэн-эр уже умер. Он мертв! – прокричал князь Ву Ань. – Ты же просто хочешь создать проблем и погрузить этот дом в хаос! Что тебе это даст?!

Госпожа Лю холодно усмехнулась:

— Чжэн Чэн – мой родной сын, а также родной сын Вашей Светлости. Но в глазах Вашей Светлости старший сын Чжэн Чэн, сын законной жены, всегда был не так хорош, как младший Чжэн Чжи, рожденный от какой-то дешевки. Вот пусть его мать и умоляет пощадить его.

Красивая наложница князя в слезах упала перед ней на колени:

— Старшая сестра! Сестра! Это все моя вина! Поэтому пощадите А-Чжи! Он хороший мальчик! В будущем все, что Вы прикажете, я все сделаю! Я все сделаю! Сестра, я умоляю тебя!

Женщина, доведенная до предела, может быть крайне жестокой. Госпожа Лю высвободила из чужих рук подол своей юбки и несколько раз со всей силы больно хлестнула ее по щекам. Из-за того, что ногти на ее руках были достаточно длинными, на прекрасных щеках наложницы князя показались капли крови. Госпожа Лю грубо схватила ее за шею:

— Тварь! Я достаточно терпела тебя! Верни жизнь моему сыну!

Красивая наложница громко зарыдала. Чжэн Чжи тоже отчаянно закричал:

— Отец! Папа! Папа! Помогите мне! Я не хочу с ними идти!

Однако любые его попытки сопротивляться были бесполезны против Императорской Стражи. Суй Джоу взглядом велел своим людям забрать второго молодого господина, и его приказ тотчас был исполнен.

Благодаря признанию с наложницей Хуэй обращались куда лучше. Одна из служанок отправилась с ней, поддерживая ее под руки. Но Императорская Стража продолжала пристально следить за тем, чтобы она не могла сбежать.

Тан Фан и Суй Джоу вместе покинули особняк князя Ву Аня, оставляя позади весь этот беспорядок и непрекращающийся шум, который уже совершенно их не касался.

— Ах, ты дрянь! Сдохни! – Чжэн Чжи выкрикивал проклятия, продолжая попытки

освободиться. Если бы у него получилось вырваться, он бы мигом набросился на госпожу Хуэй, намереваясь убить ее.

Сейчас второй молодой господин растерял весь свой образ элегантного и вежливого человека, кой был у него, когда он только пришел.

Суй Джоу нахмурил брови:

— Успокойте его.

— Второй молодой господин Чжэн, вы уж извините! – Сюэ Лин, немного подумав, заткнул рот Чжэн Чжи платком.

И, наконец, наступила тишина.

После этого дело стало продвигаться на удивление неплохо: только перешагнув порог Двора, не дожидаясь пыток, Чжэн Чжи сразу же во всем сознался. То, что он поведал, не сильно отличалось от рассказа наложницы Хуэй.

Хотя князь Ву Ань не обладал реальной властью, он все еще очень гордился тем, что был потомственным князем, ведь этот титул придавал ему некую важность в глазах других людей. Впрочем, это не работало на госпоже Лю, с которой спокойствие ему только снилось, ведь вместо нее он благоволил прекрасной наложнице и ее сыну, Чжэн Чжи. Он не раз злился на старшего сына и отчитывал его прямо на глазах у наложницы, что не могло не запомниться второму молодому господину. Кроме того, Чжэн Чэн был всего лишь богатеньким повесой, конечно же Чжэн Чжи рассудил: «В законе династии Мин не сказано, что сын наложницы не может наследовать титул. Почему только из-за того, что я родился на два года позже, я должен смириться с тем, что титул ускользнул у меня из-под носа?»

Чжэн Чэн был тем еще бесстыдником. Развлекаясь каждую ночь, он истощил свое тело, отчего вряд ли был способен стать отцом. Размышляя так, Чжэн Чжи сблизился с наложницей Хуэй, подговорил ее дать Чжэн Чэну рецепт Фуянчуня, а затем, с помощью двоюродного брата госпожи Хуэй, добавил в него чайху.

Наложница Хуэй привыкла к тому, что ее любили и баловали, но Чжэн Чэн всегда очень быстро забывал свои старые предпочтения и гнался за новыми ощущениями, поэтому, оставшись без желанного внимания, она чувствовала обиду и жаждала отомстить ему, чем и воспользовался Чжэн Чжи.

Чжэн Чжи не единожды повторял в своем признании, что не собирался убивать своего брата. Он лишь хотел, чтобы тот окончательно разрушил свое здоровье и был не в состоянии дать жизнь наследнику. А поскольку чайху усиливал вредоносный эффект фуянчуня, он мог с легкостью уничтожить репродуктивные органы человека. Именно так Чжэн Чжи рассчитывал занять место наследника титула. Кто ж знал, что у него не получится правильно рассчитать дозу? Смерть Чжэн Чэна вовсе не входила в его планы и стала полной неожиданностью.

Так или иначе, доказательств его вины было достаточно, и Чжэн Чжи признался в преступлении перед законом. У князя Ву Аня не вышло выпросить для сына помилование, а его жена, госпожа Лю, тоже не осталась в стороне. Она использовала всю свою власть и влияние, чтобы добиться для него сурового наказания. Они оба подали прошения императору. Суй Джоу также предоставил все доказательства и показания с признаниями. Изначально кабинет министров выступил за смертную казнь, однако император не мог не прислушаться к горьким мольбам князя Ву Аня и заменил смертную казнь на пожизненную ссылку за Великую стену,

где Чжэн Чжи должен был жить как обычный человек без права когда-либо вернуться в столицу.

На этом дело было закрыто. В своем докладе Суй Джоу не забыл упомянуть заслуги префектуры Шунтянь, добавив, что они приложили много усилий, помогая с расследованием.

Не стоит недооценивать значимость этого доклада. Со времен императора Юнлэ и до сих пор власть кабинета министров стремительно росла. Нынешний император был очень ленив, поэтому по значимости чиновники из кабинета министров были практически равны первому министру, который де-факто управлял страной вместо императора.

Дядя Суй Джоу был военным министром, старые знакомые и друзья которого до сих пор состояли в Кабинете. Естественно, они были неплохого мнения и о его племяннике. Кроме того, следует учитывать и его родственную связь с вдовствующей императрицей, которая всегда была готова замолвить за него словечко перед императором. Благодаря этим двоим каждое слово Суй Джоу имело больше веса, чем слова десятерых, что помогло префектуре Шунтянь выйти невредимой из этого дела.

Пань Бинь пребывал в приподнятом настроении духа: ведь ему больше не грозила отставка, понижение жалования или перевод. Все волнения ушли как легкий ветерок, не оставив после себя ни следа. Конечно, после стольких переживаний он был очень доволен! Отыскав Тан Фана, он сказал ему:

— Жунцин! Огромное спасибо тебе! Это дело благополучно завершилось, да и наша префектура Шунтянь не понесла никакой ответственности за случившееся!

— Это все благодаря милости Его Величества, – ответил Тан Фан, – а также благодаря благородству Цзунци Суй. Жунцин тут ни при чем, в этом нет заслуги Вашего подчиненного.

Пань Бинь был очень рад, что Тан Фан вел себя так скромно и осторожно. Он одобрительно кивнул головой, пригладил бороду и широко улыбнулся:

— Не нужно так скромничать, в конце концов, ты тоже принимал активное участие в расследовании. Я слышал, что в своем докладе императору Суй Джоу также упомянул и тебя. Так что в этом есть и твоя заслуга! Наша префектура очень справедлива: за заслуги следует вознаграждать, за преступления – наказывать. Поскольку ты хорошо поработал, проси, чего хочешь!

Заместитель магистрата префектуры Шунтянь, Вэй У, сидящий рядом с ним, улыбаясь, поддакнул:

— Дело князя Ву Аня раскрыто, Жунцину пришлось изрядно попотеть. Он проделал тяжелую работу.

Тан Фан скромно ответил:

— Вашему подчиненному ничего не нужно. Уважаемые господа преувеличивают.

Пань Бинь хлопнул себя по ноге:

— Точно! Разве мы не поспорили в прошлый раз на улице? Я все еще должен тебе чашку мясной лапши. Давай, пока не стемнело, я угощу тебя!

Тан Фан: «...»

Он, конечно, знал, что его старший соученик Пань был немного скупым, но и подумать не мог, что настолько! Сейчас он, действительно, прозрел.

Тан Фан беспомощно посмотрел на Вэй У, который еле сдерживался, чтобы не рассмеяться, и изобразил некое подобие улыбки:

— Спасибо и на том, господин!

Вэй У прокашлялся в кулак:

— Господин, не знаю, может ли ваш подчиненный пойти вместе с вами поесть мясной лапши, если Вы угощаете?

Пань Бинь взглянул на него:

— А, Сюань Чжан (имя в быту Вэй У)! Я тут вспомнил кое о чем! Скажи-ка, разве ты устроился в префектуру Шунтянь не позже Жунцина? Что-то я не припомню, чтобы ты проставлялся в честь своего прихода!

Вэй У был очень подавлен тем, что попал под раздачу. Он просто попросил чашку мясной лапши, но Пань Бинь обернул все так, что теперь он один должен был угощать их! Этот господин, действительно, был хорош в перекладывании ответственности на других людей!

— Конечно-конечно! Если господин и Жунцин не возражают, то я устрою все сегодня же!

— Тогда поход в закусочную за мясной лапшой с Жунцином откладывается? – уточнил Пань Бинь.

— Откладывается-откладывается! – поспешил заверить его Вэй У. – Мы пойдем в ресторан Сянке праздновать мое назначение! Я сейчас же прикажу найти нам место!

Тан Фан взглянул на Вэй У, который сейчас выглядел так, как будто съел кислый лимон, и не мог удержаться, чтобы не рассмеяться навзрыд.

Послесловие автора:

Это дело еще не закончено, оно просто временно закрыто.

Для того, чтобы не нарушить логику повествования, мне пришлось сделать главу такой большой. Подарите мне свой поцелуй за это?

Мне не нужен «па-па-па», мне хватит и маленького чмока ~

Кто-то спрашивал меня о функциях Судебной палаты и префектуры Шунтянь. Сейчас объясню:

Судебная палата – все равно, что нынешний Верховный Суд. Министерство наказаний – почти тоже самое, что и Министерство общественной безопасности (но в те времена их функции зачастую пересекались, и министерство наказаний также выполняло некоторые функции Верховного Суда и прокуратуры). Главный магистрат префектуры Шунтянь был как мэр Пекина. Так почему же главный магистрат префектуры Шунтянь, Пань Бинь, был таким

бесполезным? Это легко объяснить: в столице полно высокопоставленных чиновников, на то она и столица. Представьте, если бы мэр Пекина был всего-навсего на полранга выше, чем другие чиновники. Он бы постоянно находился под их давлением. Пань Бинь не обладал большим авторитетом, могуществом, поэтому его было легко запугать.

Но все эти запуганные чиновники по-прежнему должны были кем-то управлять. Поэтому главный магистрат префектуры Шунтянь и его подчиненные имели более высокий ранг, чем чиновники, занимающие аналогичные должности в других министерствах. Они были ближе к императору, у них было больше шансов получить продвижение по службе, больше шансов засветиться перед какими-то влиятельными людьми, даже если они ничего из себя не представляли, а умели только льстить, пыжиться, чтобы их заметили, и пытаться подобраться к одному из «трех бумажных министров» (о них уже было в третьей главе), чтобы тоже пополнить ряды их «бумажного войска». Какое великое будущее, не так ли?

Примечания переводчика:

Вот Суй Джоу прифигел, наверное, от методов Тан Фана.

Ребят, я тут сама в недоумении: наложница Хуэй говорит, что ее брат умер три дня назад, а в прошлой главе говорилось, что Тан Фан только что (то есть этим вечером) натолкнулся на него. Я еще раз проверила, все ли я правильно перевела. Но так и есть. И либо это дыра в сюжете, либо Суй Джоу с Тан Фаном два дня собирались пойти в особняк князя, либо нам объяснят это позже.

Во второй главе Вэй У уже появлялся, но так как там не объяснялось, кто он такой, я по ошибке решила, что это второе имя Пань Биня. Прошу прощения, если кого-то запутала. Я уже исправилась.

Сказка ложь, да в ней намек. Ребят, не нужно слишком скромничать перед начальством, как Тан Фан. Спрашивают: «Чего хочешь?» Говори: «Премию! Повышения зарплаты! Внеплановый оплачиваемый отпуск! Отгул!», а иначе получите тарелку лапши, да и ту за счет коллег.

Эта глава была рекордно длинной! Длиннее предыдущих почти в два раза. Но дальше будет и побольше...

Переводчику тоже нужны ваши поцелуи, а «па-па-па» у меня уже было. С этой главой, ага ~ спасибо)

Кстати, сегодня (15.01) у Даррена Чена, который играл нашего любимого Тан Фана, день рождения. С чем его и поздравляем!

<http://tl.rulate.ru/book/50212/1279316>